

Конец инспектора полиции

(Отрывок из документальной повести „Подпольщики“)

После совещания у коменданта Волота Гепарта начальник местной управы Мановский с начальником полиции Молотковым вышли на улицу. Молотков рослый, со злыми, как у волка, глазами, одетый в подшубок и понесенные немецкие бурки (подарок Гепарта за хорошую службу), шел молча, похивая сигаретой. Он вначале работал конохом в комендатуре. Его ненависть ко всему советскому заметили фашисты и перевели работать в полицию. Здесь его жестокость раскрылась в полной мере. Он сам арестовывал советских патриотов, допрашивал, пытал и расстреливал. Фашистский холуй страдался во всю, чтобы заслужить доверие козиев.

— Как Баскаков? Себе заместителя подобрал? — тяжело дыша, спросил Мановский.

— Нет еще. А что, есть подходящая кандидатура?

— Да. Я был в Славитино. Встретил там земляка, вроде толковый мужик, надо подсказать Баскакову, пусть позовет, побеседует.

Как Мановский, так и Молотков старались активизировать созданный в районе гитлеровский отдел пропаганды и агитации, во главе которого стоял некий Баскаков — ярый антисоветчик, привезенный в Волот фашистами из западных областей. Последний через своих пропагандистов вносил в народ гебелевскую пропаганду и антисоветскую ложь, направленную на подрыв веры в народе в Советскую власть. Люди этого предателя снова ли по населенным пунктам района, до хрипоты доказывая превосходство «нового порядка» над Советской властью.

— А кто этот человек? — кмру спросил Молотков.

— Может, знаю?

— Счетовод сельпо Павел

Васькин, молодой, энергичный, если возьмется, то у Баскакова дело пойдет. Я уверен...

— А откуда он появился? — с интересом спросил начальник полиции и даже остановился в ожидании ответа.

— Раньше он работал бухгалтером в залучском райфинсиделе. Оттуда выгнали за пьянство и аморальное поведение. Я сам его документам просмотрел, так что здесь все в порядке.

— А он учителем в Белобелковском районе не работал?

— Кажется, да... А чего ты так встревожился?

— Встревожись! Когда своего должника встретишь, — зло бросил Молотков.

— Какого должника? Говори толком.

— Лет шестнадцать назад мой старый болваготец на улице подобрал одного бродягу. Пашикой Васькиным его звали, — стал рассказывать Молотков. — Было ему лет десять. Батя его пастухом пристроил. А он вместо благодарности сбежал. Лет через десять вернулся в район уже учителем. А однажды пришел с комиссией раскулачивать отца. В то время я уже отделился, жил самостоятельно. Так что когда удалось спасти. Но все же и пропало много. А помог это сделать Васькин. Он, оказывается, все тайные места у бати знал. И все спрятанное помог найти. Отец, когда его кубышки и зерно из земли выкапывали, зетряся от обиды и шепнул мне: «Димка, отомсти!»

— Ну и как, отомстил!

— Нет. А караулил его с обрезом около дома часто, но все безрезультатно: вокруг него все время молодежь вертелась, липла как мухи к меду. Не знаю, чем он их приворожил, только куда он, туда и они. А вскоре его в

райцентр перевели, так я с ним и не рассчитался.

— Ну что ж, съезди в Славитино, я его там дня два назад видел. Перебывается случайными заработками. Если это твой должник — вздерни на первом суку и делу конец...

— Это уж я сумею, — блеснув злыми глазами, пообещал Молотков.

Под вечер в дом к Немкову пришли Васькин с Александром Ивановым. Закурив, стали неторопливо разговаривать.

— В Сельцо прибыл Молотков со своей сворой, — сказал Иванов, — усиленно заманивает в полицию молдак...

— Ему нужны не только полиция, — добавил Немков. — Он у всех допытывается, не видел ли кто Вас, Павел Афанасьевич. Прельщает наградой за поимку. Пора бы убрать эту сволочь...

— Неплохо бы. Но как? — в раздумье спросил Васькин. — Он ктер, всегда в окружении полицаев или солдат. Да и если мы его прихлопнем, гестапо все перевернет. И нам тогда придется туго...

— Эти сволочи каждый день сапогом клещут до беспамиятства, хоть бы сдотли от перепоя, — вставил Иванов.

— Да они бочку вылакают и еще попросят, — замялся Немков.

— А если Молоткову погсунуть дреснового спирта? — проговорил Иванов и вопросительно посмотрел на товарищей.

— Подействует ли на этих пьянчуг спирт. Да и где его достать? — серьезно ответил Васькин.

(Продолжение следует.)

Конец инспектора полиции

(Отрывок из документальной повести „Подпольщики“)

(Оконч. Нач. в № 143-49)

— А может он нарочно тебя пригнул, чтобы не выпил?

— смеясь спросил Немков.

— Не пожоже. Если б спирт был настоящий, он бы его с собой прихватил: пригодились бы.

— Молотков вместе с инспектором полиции Дементьевым, его помощником Вихровым поселился в доме Агафьи Сергеевой. — начал анализировать Иванов. — Вечерами у них пьяные оргии, а по утрам Вихров бегает по деревне, ищет опохмелку. В это время и подсунуть бы. Спирт я бы развел под самогон-первач...

— Вот что, товарищи, — заговорил Васкин, — я думаю стоит рискнуть. И попробуем это сделать так. Татьяне Ефремовой нужно побывать в Володе, чтобы оформить пропуск для поездки в Порков. Так вот, она завтра утром и зайдет к Дементьеву, якобы за разрешением на поездку. Как лучше подсунуть «самогон», поможем еще до утра.

... Утром в предраассветной мгле Татьяна с сумкой в руке, из которой торчали горлышки бутылок, закуренных бумажными пробками, стучалась в дом к Сергеевой.

— Вам кого? — открыл дверь, спросила хозяйка.

— Господина инспектора полиции Дементьева.

— Он ушел. Помощник его, Вихров, еще здесь.

— Ну, тогда я к помощнику.

Таня вошла в прихожую. Через открытую дверь в большую комнату увидела сидящего за столом Вихрова. Он лениво торкал вилок в тарелку с капустой. Напротив него стояли пустые бутылки и стаканы.

— Кто такая? — рыкнул он, увидев Татьяну.

— Мне бы в Волод надо съездить, — начала объяснять Ефремова, — но полицейские из деревни не выпускают, говорят без разрешения нельзя.

Вихров уставился на девушку оловянными глазами. До него медленно доходило то, о чем она просила. Но увидев в ее сумке горлышки бутылок, оживился. Встав из-за стола, подошел к Татьяне и заглянул в сумку, уверенно, как к себе в карман, запустил в нее руку и, схватив за горлышки, вынул сразу все три бутылки. Посмотрев через них на свет, радостно и торжественно закричал: «Что?! Самогон?! Куда несешь?»

— В Волод. Вдруг пригодится. Теперь ведь без него ничего не делается...

— Ты умница! — крипло похвалил Вихров и, направляясь к столу, добавил:

— Ты иди, иди, куда тебе надо...

— Я же вам говорила, в Волод иду, а полицейские пропуск требуют.

— А... пропуск. Это можно. — Вихров достал чистый бланк, расписал на нем и протянул Ефремовой.

Сам же откупорил бутылку, наполнил стакан и выпил залпом. Громко крикнув, торпливо сунул под нос кусок хлеба.

Татьяна вышла на улицу. В это время к дому подъехала подвода. Из нее выскочил Дементьев, поспешил в дом.

— Артем, собирайся, начальник ждет, — беря винтовку, сказал он.

— А стопочку на дорожку не хошь? — пьяно жидкая, спросил Вихров, разливая «самогон» по стаканам.

— А есть?

— Неможко достал, — самодовольно ответил Вихров и сунул в руку Дементьеву полный стакан.

Не чокаясь, жадно, словно воду при сильной жаре, выпили.

— Ох и короша же проклятая, — процедил сквозь зубы Вихров.

Рассветало. Утренняя заря чуть позолотила горизонт. Мороз крепчал. Деревья, изгороди, телефонные провода — все покрылось инеем.

В этот ранний час по дороге от Сельцо к деревне Быстрый Берег серой лентой двигалась колонна подвод. В санях на сене сидели полицейские и несколько гитлеровцев, обхватив руками винтовки и автоматы. Ежали молча. Около дома Васьных остановились. Окружив избу, кинулись внутрь. Не успела Зинаида Терентьевна спросить незваных «гостей», что им надо, как те начали ее избивать. Затем выволокли с двумя раздетыми малолетними детьми на улицу.

— Партизаны у тебя были? — спрашивали ее. — Ночью приходили, и ты их кормила?

Женщина не отвечала. Тогда полиция и гитлеровцы вновь стали ее бить. Затем поставили к стене дома вместе с детьми, а сами отошли метров на пять. Щелкнули затворы. Один из полицейских — Николай Фролов — поднял автомат. Женщина в ужасе закрыла глаза руками. Раздалась длинная очередь. А затем хохот полицейского.

— На этот раз тебя только напугали. Еще раз попадешься — расстреляем.

От пережитого Зинаида Терентьевна поседела, хотя ей было в то время всего 26 лет...

Из деревни Быстрый Берег полиция и гитлеровцы направились в деревню Переходы. Здесь они расстреляли колхозников Лариона Отрядова, Прокофия Григорьева, Григория Крючкова, Федора Федорова, заподозренных в связях с партизанами.

Карательный отряд побывал и в других деревнях, и везде после расстрелов и издевательств над мирными жителями устраивались попойки. Ночью пьяные каратели вернулись в Сельцо.

На другой день по дерев-

ням покатились слух: «Полицейские-то перепились...»

Первым из подпольщиков узнал подробности Немков. Он сразу же поспешил к Иванову, радостно воскликнул: «Ура! Подействовало!».

— Рассказывай, что и как? — с интересом стал расспрашивать Иванов.

— Дементьев и Вихров почувствовали себя плохо, — начал рассказ Александр. — Дементьев потребовал от хозяйки на опохмелку самогона. Та начала нехотя. Тогда Дементьев пригрозил пистолетом. Старука где-то достала графин с самогонкой и отдала квартирантам. Те выпили по стакану и почувствовали себя еще хуже. Вскоре Вихров умер, а Дементьев стал кричать на хозяйку, что она им подсунула какую-то отраву, что у него поднялась адская боль в голове и в глазах.

Молотков срочно привез из Волода не то врача, не то фельдшера, который, осмотрев Дементьева и выслушав его рассказ, якобы сказал: «От такой дозы самогона не только человек, но и лошадь бы сдохла». Однако козьюку дома все же арестовали. Ее силой заставили выпить из графина остатки самогона.

— Ну, а как Молотков? — спросил Иванов.

— А на него почему-то не подействовало, — с огорчением ответил Александр. — кодит, как ни в чем не бывало, даже злее стал...

Подпольщики не знали, что Молоткову не досталось «самогонки», предназначенной именно ему. Он, как потом выяснилось, лишь днем находился в доме Сергеевой, а на ночь уходил к сожителянице. Вихров же, угостив Дементьева, остальной «самогон» выпил сам. Алчность к спиртному у него была так велика, что он не поделился своей «добычей» даже с Молотковым, которого боялся и всячески перед ним заискивал.

Продержав Сергееву под арестом трое суток и убедившись, что ее самогон здесь ни при чем, Молотков выпустил ее из-под стражи.

В полицейском же отряде на двоих извергов стало меньше.

На снимке: Т. Ефремова.

(Фото 1941 года)